

УДК 81'367.622.12

ББК 81.031.4

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ОБЪЕКТ МЕТАФОРИЗАЦИИ

А.А. Кудрявцева

В статье рассматривается метафоризация онимов как один из способов перехода имен собственных в имена нарицательные. Анализируются различные типы контекстов, в которых реализуется метафорическое значение онима.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, метафорический контекст, имя собственное, имя нарицательное, семантика, номинация.

В современной лингвистике важное место занимают проблемы лексической семантики, которые в своих трудах затрагивают многие ученые (см., например, работы Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, В.И. Карасика, В.П. Москвина, М.В. Никитина, Л.А. Новикова, А.А. Уфимцевой и др.). В сфере исследовательских интересов представителей отечественной семантики продолжают оставаться и проблемы вторичной номинации, в частности, проблемы метафоризации. К недостаточно изученным относится процесс формирования метафорического значения у онимов, способствующий переходу имен собственных в разряд имен нарицательных (апеллятивов).

Метафора (от греч. *metaphora* – «перенос») – одно из средств вторичной номинации. Традиционно сложилось широкое и узкое понимание метафоры [3, с. 296]. В первом случае метафора определяется как любой вид употребления слова в непрямом значении, включая метонимию и синекдоху. Во втором – как «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства» [4, с. 231], как «отношение предметно-логического значения и значения контекстуального, основанное на сходстве признаков двух понятий» [6, с. 123].

Придерживаясь узкого понимания метафоры, мы разделяем мнение И.Р. Гальперина

о том, что метафорическая номинация может быть реализована только в контексте [6, с. 126]. Например, вне контекста не возникает сомнений, что слова *Соломон* и *Шахерезада* являются онимами, первый из которых – имя библейского царя, второй – имя героини арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Рассмотрим случаи переносного употребления этих онимов. 1. <...> *сей ментор славный был во французском Соломон* (А.И. Полежаев. Сашка); сочетание онима с прилагательным *во французском* позволяет реализоваться метафорическому значению «знаток». 2. *Много таких рассказов выслушала я от этой замоскворецкой Шахерезады* (В. Инбер. О моем отце); определение *замоскворецкая* позволяет реализоваться метафорическому значению «рассказчица».

Метафора чаще всего является семантической основой прономинатива – стилистического приема, состоящего в замене нарицательного имени собственным. В результате процесса апеллятивизации, то есть перехода онимов в разряд апеллятивов, используемых в определенной стилистической функции, образуются единицы, которые мы называем прономинантами.

О том, что метафора – сложный знак, характеризующийся семантической двуплановостью, говорят многие ученые (Н.Д. Арутюнова, Н.И. Бахмутова, М.Л. Новикова и др.).

Изучение знаковой структуры метафоры привело к выявлению составляющих ее компонентов. План выражения обычно представляют два компонента – слово-параметр

(агент, термин сравнения, знак-носитель образа) и слово-аргумент (опорное слово, ключевое слово, контекст, микроконтекст). Компоненты внешней структуры метафоры образуют особые словосочетания, которые ученые называют по-разному: аналитическими (лексико-аналитическими) структурами, параметрическими сочетаниями (В.Н. Телия), метафорическими бинармами (Н.А. Басилая) и др. Мы будем именовать подобные явления метафорическими словосочетаниями. План содержания метафоры представляют два структурных элемента – вспомогательный субъект («контейнер», коррелят, внутренняя форма метафоры, метафорический фокус) и основной субъект (буквальная рамка, референт, тема). Признак, задающий область сходства субъектов метафоры, именуется аспектом сравнения. Данная схема находится в рамках интеракционистской концепции метафоры (об этом см., например, у М. Блэка [5, с. 167–169] и В.Н. Телии [11, с. 183]).

Рассмотрим особенности реализации данной схемы при метафоризации онимов.

Хлестаков из Омска – заглавие газетной статьи, в которой сообщается: *Паренек из школы для умственно неполноценных, не выговаривающий многих букв и представляющийся корреспондентом французской газеты, обвел вокруг пальца чиновников областного города* (Комсомольская правда. 1997. 05 февр.). Метафорическое словосочетание *Хлестаков из Омска* имеет следующую знаковую структуру: слово-параметр – *Хлестаков*, слово-аргумент – предложно-падежное сочетание *из Омска*, вспомогательный субъект – ‘герой комедии Н.В. Гоголя, выдававший себя за ревизора’, основной субъект – ‘самозванец’, аспект сравнения – поведение.

«*Кикимора* [прозвище рабочего] – *оборванный сивый геркулес, с длинными усами и сизым прыщеватым носом – ухнул во всю грудь и опрокинул тачку*» (М. Горький. На соли). Структура метафорического словосочетания *Кикимора – геркулес* такова: слово-параметр – *геркулес*, слово-аргумент – *сивый* (к герою мифа вряд ли применим такой эпитет), вспомогательный субъект – ‘герой древнеримской мифологии, отличавшийся необыкновенной физической

силой’, основной субъект – ‘силач’, аспект сравнения – сила.

В современной лингвистике не подвергается сомнению факт, что в основе метафоры лежат определенные ассоциативные представления. В лексическом значении слова принято выделять интенционал, который определяется как «постоянное ядро, устойчивая структура признаков» [9, с. 27] и импликационал, характеризующий периферию семантических признаков, окружающих это ядро [там же, с. 60]; «семы, входящие в интенционал понятия, имплицитируют некоторые другие семы, прямо в нем не представленные» [10, с. 96]. Признаки, входящие в импликационал, называют ассоциативными, или коннотативными.

Вопрос о том, что такое коннотация, является одним из наиболее спорных в современной лингвистике. Существует множество подходов к определению данного понятия (подробнее о различных теориях коннотации см. в работах Ю.Д. Апресяна [1, с. 157–159] и В.И. Шаховского [14, с. 65–69]). Приведем лишь несколько точек зрения. А.В. Филиппов понимает под коннотацией «неденотативное и неграмматическое значение, входящее в состав семантики какой-либо языковой единицы или представляющее ее целиком. Такое значение... следует называть эмоционально-стилевым» [12, с. 57]. Ученый настаивает на том, что оценочность и экспрессивность не относятся к коннотации [там же, с. 60–61]. В литературе представлена и иная точка зрения. Так, В.К. Харченко определяет коннотацию как совокупность оценочных, эмоциональных, образных и экспрессивных признаков [13, с. 66]. В.И. Шаховский говорит об эмотивной коннотации, понимая под ней «сопутствующие тому или иному звуковому комплексу или семантике слова эмоции, благодаря которым оценка того, о чем (о ком, кому) говорят, воспринимается как эмоциональное одобрение/неодобрение» [14, с. 68].

Считаем необходимым обратить внимание на точку зрения Ю.Д. Апресяна. Коннотациями лексемы он называет «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [1, с. 159]. Ученый приводит доказатель-

ства языковой реальности приписываемых слову коннотаций. Во-первых, это возможность метафорического использования слова на основе приписанной ему коннотации, во-вторых – наличие производных слов, реализующих коннотацию, в-третьих – наличие фразем, реализующих приписанную коннотацию [1, с. 164–165]. Свои наблюдения Ю.Д. Апресян иллюстрирует следующим примером. Доказательством реальности коннотаций ‘подлость’, ‘низость’, приписываемых слову *свинья*, являются: метафора *Он свинья* (‘поступает подло, низко’); аффиксальный дериват *свинство* (‘нехороший, низкий поступок’); фразема *подложить свинью кому-либо* (‘подстроить втихомолку какую-либо неприятность’).

Мнение Ю.Д. Апресяна представляется достаточно аргументированным, но при анализе нашего материала такой подход не оправдывает себя. Поясним это на примере.

В день свадьбы никакому жениху не хочется прослыть плюшкиным. (Вечерний Волгоград. 1998. 17 июня). Метафорическое значение – ‘скупец’ (основной субъект) реализуется на базе содержательной стороны онома *Плюшкин* – ‘отличавшийся необычайной скупостью помещик, персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»’. Очевидно, что скупость гоголевского героя никак нельзя назвать несущественным признаком.

Думается, что при анализе метафорических прономинантов продуктивным является подход к коннотации, который можно условно назвать широким. Под коннотацией понимается «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное) содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию» [11, с. 236].

Такой подход встречаем, в частности, у Н.Г. Комлева, который определяет коннотацию как «семантическую модификацию значения, включающую в себя совокупность наслоений, чувств, представлений о знаке, лексическом понятии или о некоторых свойствах и качествах объектов, для обозначения которых употребляется данное слово-значение» [7, с. 108]. Кроме чувств и представлений ученый включает в определяемое понятие культурный компонент, компонент поля, уровень знаний и мировоззрение [там же, с. 117–128].

Нам представляется бесспорным, что в основе метафоризации онома лежат именно культурные представления и уровень знаний носителей языка.

Считаем необходимым отметить следующий немаловажный факт, что все прономинанты, образованные на основе метафоры, имеют связь с текстом: они мотивированы либо прецедентным текстом, либо культурно-историческими знаниями носителей языка. Данное свойство сближает их с крылатыми словами и отграничивает от большинства прономинантов, образованных на основе генерализации значения (единиц типа *буренка*, *мурка*, *васька*, *фриц*, *ганс* и т. п.). Метафорические прономинанты способны создавать межтекстовые ассоциации, так называемое интертекстуальное пространство [2].

Специфика метафорических словосочетаний, включающих прономинанты, обнаруживается и при анализе их функций и структуры.

Традиционно ученые называют три основные разновидности метафоры в зависимости от их функции – номинативную, когнитивную и образную. В первой из функций метафора служит для номинации объекта (*угольный бассейн*), во второй является теоретической моделью для предсказания свойств еще не познанного объекта и включения его в некоторый класс (термин *волна*, когда движущимся частицам приписываются свойства волн), в третьей образно представляет действительность, образно интерпретирует знакомые, привычные объекты, подчеркивая их индивидуальность (*океан любви*, *будущие Ломоносовы*).

Наблюдения показали, что все метафоры, лежащие в основе соответствующих прономинантов, являются образными. Именно поэтому они так активно используются в художественной речи (особенно в поэзии), публицистике и не встречаются в речи научной, деловой.

Что касается структуры метафорических словосочетаний, включающих прономинанты, то о ней можно сказать следующее.

По частеречной принадлежности слова-параметра все рассматриваемые метафоры являются субстантивными, так как они – это имена существительные.

Контекст, в котором реализуется метафорическое значение онома, может быть различ-

ным. Чаще всего это микроконтекст. В этом случае мы имеем дело с замкнутой метафорой, или метафорой-сравнением.

Анализ материала показал, что в роли слова-аргумента могут выступать единицы со следующим значением:

1. 'Сфера деятельности'. В роли слова-аргумента в подобных случаях выступают чаще всего существительные в позиции приименного генитива (*Пеле мотобола, Моцарт рисунка, Цветаева балета*). Функционально равными им могут быть прилагательные (*кинематографические Белинские*).

2. 'Место жительства'. Здесь слово-аргумент чаще всего выражается оттопонимическим прилагательным (*брянские робинзоны, дубовские раскольниковы, московский Лабомель, волгоградский Шварценеггер*), реже – предложно-падежным сочетанием (*Хлестаков из Омска*).

3. 'Национальная принадлежность'. Слово-аргумент выражается отэтнотимическим прилагательным (*хохлацкий Тартюф, русский Аполлон*).

4. 'Принадлежность к микросоциуму'. В роли слова-аргумента выступают притяжательные местоименные прилагательные (*наш Лукулл, мой Гиппократ, твой Отелло*), а также прилагательные *местный, здешний* (*местные пинкертонны, здешний Эскулап, местный Кулибин*).

5. 'Отношение к определенному временному отрезку'. В подобных случаях слово-аргумент выражается прилагательными, указывающими на время (*современные джеймсы бонды, будущие Ломоносовы*).

6. 'Бытийность'. В этом случае функцию слова-аргумента выполняют бытийные глаголы. Бытийность может быть выражена глагольными предложениями (*Не нужно быть Эйнштейном, чтобы решить эту задачу*) или биноминативными предложениями (*Ты Макаренко, Миша – Геркулес*).

7. 'Превращение'. Слово-аргумент представлено трансформативным глаголом (*превращаться в Держиморду, стать Ариной Родионовной*).

8. 'Объект измерения'. Слово-аргумент представляет собой существительное в позиции приименного дополнения; метафорические словосочетания являются в подобных случа-

ях сочетаниями с количественным значением (*Монблан книга, Гималаи снега*).

Данный перечень охватывает подавляющее большинство случаев. Примеры, не укладывающиеся в него, единичны.

Наш материал показывает, что для метафоризации онима не всегда необходимо слово-аргумент. Его функциональной заменой может являться форма множественного числа имени собственного. Появление этой формы способствует утрате основной функции онима – идентифицирующей, индивидуализирующей (при этом нередко меняется и орфографическое оформление слова – оно пишется со строчной буквы). Например: *Он явно тосковал по прежней жизни, где помнилось ему все то, что было, пропетое окуджавами, галичами, висоцкими, верониками долиными, все то московское, волнующее, непонятное в журнале «Конституция»* (В. Аксенов. Негатив положительного героя). Основной субъект метафоры – 'барды'. *Указом начальника областного УВД В. Дергачева пинкертонны, участвовавшие в проведении этой операции, были награждены крупными денежными премиями* (Городские вести. 1997. 23 дек.). Основной субъект метафоры – 'сыщики'.

Без слова-аргумента могут употребляться прономинанты, уже вошедшие в систему языка (они зафиксированы словарями). Это такие слова, как *Аврора, зефир, зоил, эскулап* и другие: *Сей сладкой надеждою мир озарен/ Как небо сияньем Авроры* (В.А. Жуковский. Теон и Эсхин); *Прелестницы и жрицы буйной моды! Вы, легкие, – неси вас прочь зефир!* (В. Бенедиктов. Мой выбор); *Как сатирой безымянной/ Лик зоила я пятнал,/ Признаюсь: на вызов бранный/ Возражений я не ждал* (А.С. Пушкин. Как сатирой безымянной...); *Эскулап задумался... но потом... от прямого разрешения вопросов уклонился, отзываясь тем, что тайна построения градоначальнического органа науки достаточно еще не обследована* (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города).

Метафора может быть реализована в макроконтексте. Например: *А потом, в эпоху застоя, мой сын Егор в школе стал издавать журнал «Гиппопотам», где главным*

гиппопотамом стал... Брежнев. Меня срочно вызвали в школу и сказали: «Вы что, Солженицына воспитываете?» (Аргументы и Факты. 1997. № 12). Основной субъект метафоры – ‘диссидент’ – выявляется при описании поступка ребенка. Аспект сравнения с известным писателем – антисоветские политические взгляды и их открытое высказывание.

Таким образом, онимы становятся объектом метафоризации в различных типах контекстов. Достаточно часто семантический перенос осуществляется в микроконтексте, которым является слово-аргумент. Функциональной заменой слова-аргумента может выступать форма множественного числа, способствует утрате функции имени собственного – индивидуализирующей, идентифицирующей. В редких случаях метафорическое значение онима реализуется в макроконтексте.

Анализ показывает, что именно метафора чаще всего является семантической основой прономинации, так как в количественном отношении прономинанты, образованные на основе метафорического переноса, составляют 77,4 % рассмотренных нами единиц. В других случаях прономинанты образуются на основе генерализации значения, а также на основе сочетания метонимического и метафорического переноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова / Ю. Д. Апресян // Избр. тр. : в 2 т. Т. 2. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. – С. 156–177.

2. Арнольд, И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста) / И. В. Арнольд. – СПб. : Образование, 1995. – 60 с.

3. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 296–297.

4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.

5. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–172.

6. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 460 с.

7. Комлев, Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н. Г. Комлев. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – 192 с.

8. Москвин, В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – 3-е изд. – М. : URSS : ЛКИ, 2007. – 182 с.

9. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.

10. Никитин, М. В. О семантике метафоры / М. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 91–102.

11. Телия, В. Н. Коннотация / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 236.

12. Филиппов, А. В. К проблеме лексической коннотации / А. В. Филиппов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 57–63.

13. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // Русский язык в школе. – 1976. – № 3. – С. 66–71.

14. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 192 с.

PROPER NAME AS AN OBJECT OF METAPHORIZATION

A.A. Kudryavtseva

The article deals with metaphorization of proper names as a way of transition of proper names into common nouns. Realization of proper name metaphorical meanings in different types of contexts is revealed.

Key words: *metaphor, metaphorization, metaphoric context, proper name, common name, semantics, nomination.*